

Косовский кризис и международное право

Назария С.М.*

Главным вопросом современных международных отношений стала проблема правомочности применения силы в отношении суверенных государств, иностранного вмешательства в их внутренние конфликты, которая сопрягается с соблюдением общепризнанных принципов международного права. Для легитимации принуждения к исполнению обязательств в области прав человека была задействована концепция «вмешательства по гуманитарным причинам», согласно которой массовые и грубые нарушения прав человека, влекущие за собой «гуманитарные катастрофы», являются достаточным основанием для применения военной силы против «государства-нарушителя»¹.

Разумеется, ввиду восприимчивости общественного мнения ко всякой несправедливости сторонники силовой политики не могут игнорировать тот факт, что предлагаемые ими методы решения проблем выходят за рамки традиционного международно-правового поля. Поэтому в последние годы, в первую очередь на Западе, как в политических, так и в научных кругах настойчиво прилагались усилия по правовому обоснованию использования силы в плане «творческого развития» действующего международного права. Классическим в мировой литературе сегодня считается определение «вмешательства», предложенное английским учёным Р. Винсентом: «Действия, предпринятые государством, группой внутри государства, группой государств или международной организацией, которые насильственно вторгаются во внутренние дела другого государства. Это конкретное событие, имеющее начало и завершение и направленное на властные структуры государства – объекта вмешательства. Оно не обязательно законно или

---

* Назария Сергей Михайлович – к.и.н., доцент кафедры международных отношений Молдавского Государственного института международных отношений.

¹ См.: Волков В.К. «Новый мировой прядок» и балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 33; Кружков В. Югославский прецедент опасен для мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 19; Адамишин А. Внешняя политика России не может оставаться той же, что и до косовского кризиса – <http://www.ng.ru/ideas/1999-10-19/answer.html>.

незаконно, но оно нарушает обычную модель международных отношений»². Что же касается «вмешательства по гуманитарным причинам», то оно по практике Красного Креста определяется как «вмешательство, мотивированное гуманитарными соображениями по предотвращению и облегчению страданий людей»³.

Ещё в начале 90-х гг. государства – члены ООН отказывались признавать правомерность «вмешательства по гуманитарным причинам», предпочитая рассматривать ситуации, где явно присутствовали признаки «гуманитарной катастрофы», всё же под углом зрения формулы главы VII Устава ООН – «угроза миру, нарушение мира или акт агрессии»⁴. Именно в этой плоскости трактовалась ситуация, когда Совет Безопасности принимал решения, санкционировавшие «все необходимые меры», например в отношении Боснии, хотя массовые этнические чистки» давали все основания квалифицировать их в том числе и как «гуманитарную катастрофу».

Сторонники доктрины «вмешательства по гуманитарным причинам» ссылаются на исторические прецеденты. Они считают, что даже в годы «холодной войны» отдельные государства прибегали к вмешательству, которое хотя и преследовало своекорыстные, в первую очередь военно-политические, цели, но имело в конечном счёте положительный гуманитарный эффект. В качестве первого примера обычно приводится вмешательство Индии во внутренний конфликт в Восточном Пакистане в 1971 г. Другой эпизод – свержение вооружёнными силами Танзании режима угандийского диктатора Иди Амина. По существу, и ввод вьетнамских войск в Камбоджу в конце 1978 г. имел в конечном счёте существенный гуманитарный эффект, поскольку положил конец политике геноцида Пол Пота⁵.

Нигилистический подход к традиционному международному праву проявляется в новой тенденции к принятию рядом западных государств в одностороннем порядке, без санкции Совета Безопасности ООН, решений о применении военной силы. Между тем согласно статье 53

---

² См.: Vinsent R. Nonintervention and International Order. Princeton, 1974, p. 19.

³ См.: Wheeler N. Humanitarian Intervention and World Politics – The Globalization of World Politics. Oxford University Press, 1997, p. 393.

⁴ Устав Организации Объединённых Наций – <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter.htm#chapt7>

⁵ См.: Кулагин В. Международные отношения на пороге XXI века // Международная жизнь. 1999. № 7. С. 28-29; Черниченко С. Операция НАТО в Югославии и международное право // Международная жизнь. 1999. № 11. С. 104.

Устава ООН⁶, являющегося базовым документом современного международного права и всего послевоенного мироустройства, никакие принудительные действия не должны предприниматься без полномочий Совета Безопасности. На этот же орган ООН в соответствии со статьями 39–42 возложена и функция определения мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Исключение составляет лишь право государств на самооборону в случае агрессии (ст. 51).

Пренебрежительное отношение к традиционному международному праву находит своё выражение прежде всего в доктрине «примата прав человека» над государственным суверенитетом и целым рядом основополагающих принципов международного права, которые оберегают его нерушимость⁷. Речь идёт о принципах невмешательства во внутренние дела государств, неприменения силы или угрозы силой, мирного урегулирования споров, суверенного равенства, уважения прав, присущих суверенитету, которые зафиксированы в целом ряде таких важнейших международно-правовых актов, как Устав ООН, Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (1965 г.)⁸, Декларация ООН о принципах международного права (1970 г.)⁹, Хельсинкский заключительный акт СБСЕ (1975 г.)¹⁰, Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (1981 г.)¹¹ и др.

По мнению теоретиков «нового правового порядка в мире», значение вышеназванных принципов международного права нивелируется концепцией универсальности прав человека, смысл которой состоит в том, что все государства, которые приняли на себя обязательство уважать Устав ООН, Декларацию прав человека 1948 г.¹², Хельсинкский заключительный акт и другие документы, регламентирующие эту область, одновременно взяли на себя международно-правовое обязатель-

---

⁶ Устав Организации Объединенных Наций – <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm#chap7>

⁷ Торкунов А. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12. С. 104; Адамишин А. Внешняя политика России не может оставаться той же, что и до косовского кризиса – <http://www.ng.ru/ideas/1999-10-19/answer.html>.

⁸ <http://sm.aport.ru/scripts/template.dll>

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² См. Новое время. 1988 г., декабрь, приложение.

ство гарантировать закреплённые в них права человека и признали, что данная сфера не является предметом их исключительной внутренней компетенции. Ключевым вопросом стала проблема претворения в жизнь этих декларируемых прав.

В Хельсинкском заключительном акте СБСЕ, в Парижской хартии для новой Европы (1994 г.)¹³ отмечается, что «грубые и массовые нарушения прав человека» должны рассматриваться в качестве угрозы международной безопасности. Фактом остаётся, однако, то, что и до, и после принятия этих документов многие государства нарушали права человека, в том числе и систематически и в массовых масштабах. Мировая общественность при этом на протяжении длительного времени ограничивалась моральным осуждением, а в некоторых случаях – введением экономического эмбарго. И лишь в последние годы обозначилась склонность отдельных государств к вооружённому вмешательству во внутренние дела государств под предлогом защиты прав человека.

Сторонники «вмешательства по гуманитарным причинам» стремятся к широкому толкованию источников международного права и считают целесообразным учитывать не только букву, но и дух международно-правовых документов. При этом они ссылаются на преамбулу статьи 1(3) и на статьи 55 и 56 Устава ООН¹⁴, согласно которым государства-члены взяли на себя обязательство «предпринимать совместные и самостоятельные действия» для утверждения «всеобщего уважения прав человека и основных свобод для всех». Далее, согласно статье 24 Устава ООН, на Совет Безопасности возложена только главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Но её несут и члены ООН. Если Совет Безопасности не в состоянии справиться с этой задачей, члены ООН могут действовать и помимо совета, в том числе и прибегать к применению силы для пресечения нарушений прав человека. Отсюда делается вывод, что Устав ООН, по существу, якобы предусматривает такое вмешательство. Однако неоспоримым является то обстоятельство, что ни в одном международно-правовом документе не говорится, что с целью недопущения нарушения прав человека какое-либо государство или союз государств правомочны применять силу без санкции Совета Безопасности ООН.

---

¹³ <http://sm.aport.ru/scripts/template.dll>

¹⁴ См.: Кулагин В. Международные отношения на пороге XXI века // Международная жизнь. 1999. № 7. С. 32-33.

Воздушная операция НАТО против СРЮ – «Союзническая сила», – начавшаяся 24 марта 1999 г.¹⁵, являлась первой попыткой осуществить на практике новую международно-правовую доктрину. Совет НАТО заявил о наличии «гуманитарной катастрофы» в сербской провинции Косово. Следует отметить, что данная операция готовилась задолго до своего начала и преследовала две основные цели. Важнейшей (если не главной) целью войны в Югославии для США и союзников по НАТО были дальнейшие всесторонние испытания в реальных боевых условиях новых высокоточных систем оружия, систем разведки, управления, связи, навигации, РЭБ, всех видов обеспечения, вопросов взаимодействия и др. Следует особо подчеркнуть уникальную точность поражения объектов высокоточными крылатыми ракетами США¹⁶. Другой целью являлось установление абсолютного американского господства в Европе. А для этого следовало учинить показательную расправу над непокорной Сербией.

Данный вывод подтверждают следующие события. Контактная группа по Югославии, куда входили представители США, Великобритании, Германии, Франции и России, опираясь на положения резолюций Совета Безопасности ООН, выработала 10 принципов решения проблемы Косова на основе широкого самоуправления и при сохранении территориальной целостности Сербии и соответственно Союзной Республики Югославии. На этой основе 6 февраля 1999 г. в замке Рамбуйе под Парижем открылись переговоры между делегацией Югославии и албанской делегацией¹⁷. Последняя состояла главным образом из представителей террористической ОАК во главе с её политическим лидером Х. Тачи (выступавших за создание т.н. «Великой Албании»¹⁸), причём в её состав входило два человека, не являвшихся гражданами СРЮ. Расположенные на разных этажах одного здания, делегации не общались друг с другом непосредственно, и связь между ними под-

¹⁵ См.: Кружков В. Югославский прецедент опасен для мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 21; Слипченко В.И. Итоги и уроки войны в Югославии – <http://www.e-journal.ru/zarub-st2-12.html>.

¹⁶ См.: Слипченко В.И. Итоги и уроки войны в Югославии – <http://www.e-journal.ru/zarub-st2-12.html>

¹⁷ См.: Glachant P. Washington Slowly Accepting Sending Troops to Kosovo // Agence France Press. 1999. 3 Feb.; U.S. Might Commit Troops to Kosovo, Cohen Says // Intern. Herald Tribune. 1999. 4 Feb.; <http://propagandist.narod.ru/yugoslav/book/chapter4.htm>.

¹⁸ <http://propagandist.narod.ru/yugoslav/book/chapter4.htm>; Labott E. Albanian-Americans Help Fund the KLA // Agence France Press. 1999. 20 Feb.; см. также: Sullivan S. Albanian Americans Funding Rebels' Cause // WP. 1998. 26 May.

держивалась устроителями конференции. Это должно было скрыть от общественности два факта. С одной стороны – нежелание албанской делегации соглашаться с предложениями Контактной группы, а с другой – стремление американской стороны навязать югославской делегации совершенно неприемлемое условие, которого не было ни в предложениях Контактной группы, ни в резолюции Совета Безопасности ООН, а именно – размещение на территории Косова 30-тысячного контингента войск НАТО.

Югославская делегация уже вскоре после начала переговоров дала согласие на условия Контактной группы. Албанская же делегация упорно отказывалась от их признания. Госсекретарь США М. Олбрайт в вызывающей форме угрожала югославам военными ударами в случае отказа от размещения в Косове натовских войск. Для албанской делегации находились лишь предупреждения: если она откажется от предложений Контактной группы, Запад прекратит финансовую поддержку ОАК. Однако албанские представители проявили несговорчивость. Более двух недель потребовалось американцам, чтобы образумить наиболее экстремистскую часть албанских представителей. Их возили в Вашингтон, объясняли, что без их подписи США и НАТО не будут иметь повода для нанесения военных ударов по Югославии, и они, наконец, согласились¹⁹.

Но Югославия не могла согласиться с предложением оккупации части её территории иностранными войсками, что являлось грубым нарушением её суверенитета, прямым поощрением сепаратистов и террористов. Тем более, что такого условия не было в предыдущих резолюциях СБ ООН. В этом контексте срыв переговоров в Рамбуйе, которые с самого начала носили характер операции «прикрытия», путём выдвижения заведомо неприемлемых требований можно с полным правом рассматривать как дипломатическую провокацию, осуществлённую госсекретарём Олбрайт для создания искусственного повода, чтобы применить военную силу.

Как известно, действия Североатлантического альянса получили незамедлительное и однозначное осуждение со стороны ряда влиятельных государств. Применение НАТО силы против Югославии было квалифицировано Российской Федерацией, Белорусией, Китаем, Индией и другими государствами как акт агрессии против суверенного

---

¹⁹ Волков В.К. «Новый мировой прядок» и балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 31-32.

государства²⁰, ибо согласно определению, принятому Генеральной ассамблеей ООН в 1974 г., агрессией является применение вооружённой силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства (ст. 1). К числу актов агрессии, в частности, относится и бомбардировка вооружёнными силами государства территории другого государства (ст. 3). В этом документе специально обращается внимание на то, что никакие соображения любого характера, будь то политические, военные или иные, не могут служить оправданием агрессии (ст. 5).

Несмотря на яростную пропагандистско-психологическую войну против Югославии²¹, дальнейшее продолжение «гуманитарных бомбардировок» стало приносить отрицательные результаты. Они сказались на настроении широких масс населения даже самих стран НАТО. На мировой арене стали проглядывать контуры неоформленного треугольника в составе Россия – Китай – Индия, выступившего против тенденции установления гегемонии НАТО в мире и в защиту идей многополюсной структуры мира. Американская дипломатия столкнулась с тем, что можно было бы назвать «законом непредвиденных последствий». Надо было срочно искать выход из создавшегося положения.

²⁰ См.: Кросс Шерил. Удар по безопасности – http://world.ng.ru/europe/2000-03-23/4_if_victory.html; Кулагин В. Международные отношения на пороге XXI века // Международная жизнь. 1999. № 7. С. 27, 32; Кружков В. Югославский прецедент опасен для мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 21; Черниченко С. Операция НАТО в Югославии и международное право // Международная жизнь. 1999. № 11. С. 106; Адамишин А. Внешняя политика России не может оставаться той же, что и до косовского кризиса – <http://www.ng.ru/ideas/1999-10-19/answer.html>; Волков В.К. Новый мировой прадаок» и балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 31, 32, 33-34.

²¹ В этом аспекте довольно показателен следующий инцидент. 15 января 1999 г. албанские террористы пригласили международных наблюдателей в село Рачак, чтобы показать им 40 трупов людей, расстрелянных, как они утверждали, сербскими солдатами. Глава миссии ОБСЕ американский дипломат У. Уокер немедленно, без всякой проверки воспринял эту версию и обвинил сербскую сторону в расстреле мирных жителей. Западная пресса впала в истерику по поводу «резни в Рачаке». В ответ сербская сторона пригласила иностранных экспертов. Группа независимых финских криминологов установила, что трупы были перемещены, переодеты в гражданскую одежду, на которой повреждения не совпадали с пулевыми ранами, а главное – на руках убитых обнаружили пороховую гарь. Короче, это была инсценировка, устроенная для достижения политических целей. На работу экспертов ушло около двух месяцев. За это время информационно-психологическая война против Югославии сумела внедрить в сознание общественности западных стран отрицательный имидж сербов. Наперекор заключению экспертов о том, что им были подброшены тела боевиков, «инцидент в Рачаке» стал одним из основных аргументов для оправдания последующей агрессии НАТО против Югославии.

Как всегда, когда нужно спасти своё лицо, американская дипломатия вспомнила о существовании ООН, ОБСЕ, Контактной группы, а также России. Последняя в лице Президента Ельцина пошла навстречу Западу. Для урегулирования конфликта был назначен В.С. Черномырдин. Вместе с представителем ОБСЕ финским президентом М. Ахтисаари и первым заместителем госсекретаря США С. Тэлботтом они склонили С. Милошевича к соглашению на основе Резолюции СБ ООН № 1244, которая подтверждала целостность Югославии и сохранение ею суверенитета над Косовом, а также к военно-техническому соглашению. Оба документа предусматривали международное военное присутствие в Косове и гражданское управление под эгидой ООН. Вместе с тем с 10 июня 1999 г. прекращались «гуманитарные бомбардировки» НАТО.

Анализируя итоги косовского кризиса, российские и многие западные политологи отмечают, что на Балканах НАТО выступила как прямой участник конфликта, а не арбитр, достойный выполнять миротворческую функцию²². В ходе этой акции была предпринята попытка демонтажа миропорядка, основанного на примате международного права. США предприняли усилия по созданию новой системы, основанной на «праве силы». Итоговые документы Вашингтонского саммита²³ (23-25 апреля 1999 г.) по существу являются прямой заявкой на доминирование альянса в мировых делах. Подорваны принципы неприменения силы, невмешательства во внутренние дела государств. Сама концепция государственного суверенитета подвергнута сомнению.

Критики натовской акции указали, что она имела не только балканский, но и глобальный масштаб, поскольку впервые региональная военно-политическая организация открыто проигнорировала общепринятое до той поры толкование Устава ООН – как положения статьи 2(4) о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенного

²² См.: Арбатов А. Югославия: горький опыт – тоже приобретение // Российская Федерация сегодня, 1999. № 13. С. 5; Казанцев Б. Очевидный силовой крен НАТО // Международная жизнь. 1999. № 6. С. 54-58; Кружков В. Югославский прецедент опасен для мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 21-28; Лукин В. Чечня, коррупция, Косово, НАТО и другие проблемы на предвыборном фоне // Международная жизнь. 1999. № 11. С. 17; Mertus J. Back to the Drawing Board // The Washington Post, April 11, 1999; Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999; Le Monde diplomatique, mars 2000, № 552, p. 10; Фененко А. Балканский фактор и военно-политическая безопасность Европы // Международная жизнь. 2002. № 2. С. 58-59 и др.

²³ См.: <http://sm.aport.ru/scripts/template.dll?r>; http://nvo.ng.ru/forces/2000-06-30/1_situation.html.

государства, так и чёткую процедуру коллективных действий государств членов ООН по поддержанию международного мира и безопасности исключительно с санкции Совета Безопасности согласно положениям главы VII²⁴. Не попадали действия НАТО и под статью 51 о самообороне. Этот факт вынуждена была признать даже большая часть членов американского Общества содействия международному праву, заседание которого, посвящённое этому вопросу, состоялось в Вашингтоне в конце марта 1999 г.²⁵

По мнению некоторых исследователей, суть планов американской балканской геостратегии состоит в том, чтобы образовать новый форпост американского военного присутствия в Европе, углубить межевропейские противоречия вокруг югославского кризиса, создать управляемый очаг перманентной напряженности в отношениях между христианами и мусульманами, нейтрализовать усилия Германии по консолидации Европы, отрезать западноевропейские страны от поставок энергоресурсов с Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и России. В экономическом плане преследовались цели укрепления лидирующего положения США в мире, и в частности в мировой финансовой сфере, путём поддержания статуса доллара как мировой валюты, а также свободы действий американских ТНК. В данном контексте под угрозой окончательного вытеснения с Балкан может оказаться традиционное российское присутствие²⁶.

Итак, как отмечает российский исследователь В. Кулагин²⁷, в связи с последним балканским конфликтом возникают два принципиальных вопроса:

---

²⁴ См.: Кросс Шерил. Удар по безопасности – http://world.ng.ru/europe/2000-03-23/4_if_victory.html; Кулагин В. Международные отношения на пороге XXI века // Международная жизнь. 1999. № 7. С. 28; Торкунов А. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12. С. 48-49; Адамишин А. Внешняя политика России не может оставаться той же, что и до косовского кризиса – <http://www.ng.ru/ideas/1999-10-19/answer.html>; Кружков В. Югославский прецедент опасен для мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 22.

²⁵ См.: Mertus J. Back to the Drawing Board // The Washington Post, April 11, 1999.

²⁶ См.: Шиловский С.М. Анализ развития ситуации вокруг Югославии – <http://www.e-journal.ru/zarubezh-st2-8.html>; Евразийский вестник № 8. 2000; Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999; Адамишин А. Внешняя политика России не может оставаться той же, что и до косовского кризиса – <http://www.ng.ru/ideas/1999-10-19/answer.html>; Волков В.К. «Новый мировой прядок» и балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 32.

²⁷ Кулагин В. Международные отношения на пороге XXI века // Международная жизнь. 1999, № 7. С. 32.

Первый. Является ли «гуманитарная катастрофа» основанием для вмешательства во внутренние дела суверенного государства?

Второй. Вправе ли какая-то организация или отдельное государство принимать решение о вмешательстве во внутренние дела суверенного государства иначе, чем в соответствии со статьёй 51 или главой VII Устава ООН?

По первому вопросу сторонники традиционной школы утверждают, что вмешательство допустимо с санкции Совета Безопасности только в случаях «угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии».

По мнению же сторонников «гуманитарного вмешательства» суверенитет никогда не был понятием абсолютным. «По существу, внутренний порядок, – писал ещё в 60-е гг. один из авторитетных специалистов в области международного права Ричард Фальк, – никогда не был автономным в строгом смысле... Суверенитет наделяет нацию лишь главной компетенцией; он не является и никогда не был исключительной компетенцией»²⁸. Именно поэтому отцы-основатели ООН и сформулировали право на вмешательство в случае «угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии» в рамках главы VII Устава. Если вмешательство в принципе допустимо, то остаётся доказать, что «гуманитарная катастрофа» столь же значима в нынешних условиях, как и «угроза миру, нарушение мира или акт агрессии».

В международном праве, утверждают сторонники «вмешательства по гуманитарным причинам», существует международная система принципов, которые относятся к категории не подлежащих невыполнению и, следовательно, не подпадают под внутреннюю юрисдикцию. К ним относится запрещение пыток, рабства и геноцида. «Ни одно государство, – писала Ингрид Делюпис, одна из «классиков» школы сторонников «вмешательства по гуманитарным причинам», – не может утверждать после Нюрнбергских процессов, что международное право, даже в отсутствии договоров, не содержит никаких правил, запрещающих зверства и геноцид»²⁹.

Но критики сразу же справедливо ставят множество вопросов. Что такое «гуманитарная катастрофа»? Сколько людей должны пострадать, чтобы квалифицировать ситуацию как дающую основание для вмеша-

²⁸ Falk R. The Legitimacy of Legislative Intervention by the United Nations // Essays of Intervention. Ohio State University Press, 1964, p. 36

²⁸ Falk R. The Legitimacy of Legislative Intervention by the United Nations // Essays of Intervention. Ohio State University Press, 1964, p. 36.

²⁹ Delupis I. International Law and Independent State. New York. 1974, p. 133.

тельства? Кто принимает решение? Как гарантировать, чтобы «вмешательство по гуманитарным причинам» не было использовано лишь в качестве прикрытия своекорыстных военно-политических или иных негуманитарных интересов вмешивающихся государств? Как исключить случаи, когда «вмешательство по гуманитарным причинам» несёт «сопутствующий ущерб» – гибель гражданского населения страны, против которой совершается вмешательство? Кроме того, сегодня не может быть обеспечено универсальное применение принципа «вмешательства по гуманитарным причинам». Во-первых, в любом случае никто не рискнёт вмешиваться в дела ядерных государств. Кроме того, нарушение прав человека ещё имеет место в таком большом числе государств, что мировое сообщество и ведущие страны не смогут вмешиваться в каждом случае. А при отсутствии универсальности, естественно, возникает вопрос: почему вмешиваются в дела этого, а не того государства? Сторонники «вмешательства по гуманитарным причинам» признают обоснованность этих сомнений, но утверждают, что мировое сообщество достигло такой степени единства и моральной зрелости, что не может более мириться с геноцидом и массовыми нарушениями основных прав человека.

Что касается второго вопроса, то здесь дискуссия ведётся на более конкретном уровне. Сторонники традиционной школы утверждают, что государства – члены ООН согласились со строгой процедурой санкций на вмешательство, закреплённых в главе VII Устава ООН. И попытки отдельных государств, групп государств или региональных организаций отобрать у Совета Безопасности и присвоить себе право принимать решение о вмешательстве приведут мир к анархии и подорвут весь мировой порядок.

«Ревизионисты» в ответ замечают, что на протяжении большей части послевоенного периода механизм главы VII был парализован и может быть парализован вновь. Кроме того, они дают понять, что наделение пяти государств – членов ООН правом вето стало сегодня анахронизмом.

В ситуации, когда отдельные могущественные государства уже начали пренебрегать нормами традиционного международного права, а предлагаемая ими «модернизация» правового порядка ещё не может утвердиться, возникает некий правовой вакуум. В этих условиях в качестве вспомогательного аргумента сторонниками силового решения косовского конфликта была привлечена идея «моральности» военного

вмешательства. По их представлению, действия НАТО являются легитимными, ибо они «моральны».

Для того чтобы военное вмешательство НАТО могло быть оправданным с моральной точки зрения, оно должно было бы восстановить справедливость, т.е. обеспечить мирное сосуществование всем гражданам Югославии, проживающим в Косово, независимо от их этнического происхождения. «Судья» ни в коем случае не должен ради восстановления погрязших прав и справедливости сам чинить бесправие и произвол, а также наносить больший ущерб по сравнению с тем, который он предотвращает.

На деле же принцип беспристрастности был изначально нарушен, поскольку одна из противоборствующих сторон – сербы – последовательно «привязывалась к позорному столбу» ещё задолго до нападения на СРЮ. В ходе же самой силовой акции НАТО совершалась несправедливость ещё больших масштабов, чем гипотетические репрессии в отношении югославских албанцев. Тысячи мирных граждан СРЮ лишились права на жизнь вовсе не из-за «режима Милошевича», а именно в результате интервенции. В Вашингтоне и Брюсселе не могли также не сознавать, что разрушение социально-экономической инфраструктуры обречёт весь югославский народ на лишения и страдания. Подлинная гуманитарная катастрофа в Югославии является как раз следствием применения силы и экономических санкций против этого государства. Варварские «гуманитарные бомбардировки», помимо человеческих жертв, нанесли югославской экономике огромный ущерб в размере более 100 млрд. долл. Вывод югославских сил и вступление войск НАТО на территорию Косова сопровождалось вторжением туда вооружённых террористических банд ОАК. Оно вылилось в массовую «этническую чистку» всего неалбанского населения. За короткий срок с этой территории было выдворено более 350 тыс. человек, из которых 270 тыс. составляли сербы³⁰. Ужасают также и экологические последствия бомбардировок³¹.

---

³⁰ См.: Кросс Шерил. Удар по безопасности – http://world.ng.ru/europe/2000-03-23/4_if_victory.html; События в Югославии в плоскости американских экономических интересов – <http://www.ournet.md/~strannic/103ru.htm>; Итоги кампании НАТО в Югославии в цифрах – http://world.ng.ru/europe/2000-03-23/5_korotko.html; Кружков В. Югославский прецедент опасен для мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 22; Коммерсантъ-Daily, 22.04.1999; Шиловский С.М. Анализ развития ситуации вокруг Югославии // Евразийский вестник № 8. 2000; <http://www.e-journal.ru/zarubezh-st2-8.html>; Волков В.К. «Новый мировой прядок» и балканский кризис 90-х годов // Новая и но

Совершенно очевидно также и то, что позиция Североатлантического альянса в отношении соблюдения индивидуальных и коллективных прав лишена принципиальности и носит избирательный характер. Показательно, что проблема прав человека серьёзно поднимается лишь в отношении тех государств, которые проводят политику, противоречащую интересам трансатлантического сообщества. Что же касается преступлений против человечности, совершаемых в Косово сепаратистами в отношении проживающих там нацменьшинств, то вопрос об их предотвращении и наказании виновных остаётся открытым по сей день. Всё это указывает на существование в западном альянсе «двойного стандарта».

Принципиальным является и вопрос наличия морального права у вершителя справедливости выступать в данном своём качестве. В настоящее время на роль всемирного морального арбитра претендует лишь одна держава – США, ищущая поддержки у остальных членов западного сообщества. При этом всего несколько десятилетий назад правящая элита этого государства осуществляла геноцид гражданского населения иностранных государств чудовищных масштабов с использованием таких варварских средств, как ядерное оружие (в Японии) и химическое (во Вьетнаме).

Вышеперечисленные обстоятельства указывают на то, что североатлантическая коалиция использует моральную риторику для прикрытия своих реальных эгоистических целей. По сути своей провозглашаемый «новый мировой порядок», призванный принести человечеству справедливость, остаётся старым. Исключение составляет разве что благовидный предлог.

Курс НАТО на применение силы за рамками самообороны получил документальное закрепление на Вашингтонском саммите (23-25 апреля 1999 г.)³², где было провозглашено право альянса на ведение военных операций за пределами традиционной зоны ответственности «для защиты общих интересов и ценностей». Учитывая такое развитие

вейшая история. 2002. № 2. С. 33, 34; Что ищет Билл в краю далеком – http://www.rbc.ru/review/rbc_mick190400.html, http://www.rbc.ru/review/rbc_mick200400.html, <http://www.nns.ru/yugoslavia/26.html>.

³¹ См.: Иванов И. Необходимо провести международную экспертизу последствий применения в Косово боеприпасов с обеднённым ураном – <http://news.ng.ru/2001/01/08/978972090.html>

³² См.: <http://sm.aport.ru/scripts/template.dll?r;> http://nvo.ng.ru/forces/2000-06-30/1_situation.html

событий, а также уроки югославской трагедии, можно констатировать, что на рубеже XX-XXI столетий сложилась реальная опасность использования такой деликатной сферы, как права человека и национальных меньшинств, в качестве прикрытия насильственных действий в отношении суверенных государств.

Никто не будет спорить с тем, что международное право развивается. Изменились, в частности, представления о том, каковы границы действия принципа невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, когда нарушаются права человека. Но можно ли в связи с этим пересматривать основные принципы международного права, в том числе принцип невмешательства, и понятие государственного суверенитета? И допустимо ли развивать международное право, ломая эти принципы, составляющие каркас международных отношений?

Отменить эти принципы можно лишь с общего согласия членов международного сообщества, а не какой-либо группы государств. Принцип невмешательства – один из этих принципов. Какая-либо группа государств, в том числе и члены НАТО, могут заключить между собой договор, по которому в своих взаимоотношениях они обязуются те или иные вопросы, традиционно считающиеся входящими во внутреннюю компетенцию государств, не считать таковыми. Однако сделать это они вправе лишь в отношении друг друга, а не третьих государств, и такой договор не должен отразиться на общепризнанном содержании принципа невмешательства. В последние годы в мировом сообществе признаётся, что обсуждение нарушений прав человека в конкретных странах или попытки начать такое обсуждение, принятие каких-либо резолюций по этим вопросам не рассматриваются более как противоречащие принципу невмешательства. Для акций подобного рода отменять или изменять этот принцип или пересматривать понятие государственного суверенитета не требуется. В современных условиях государства, являющиеся объектом критики по поводу нарушений прав человека, предпочитают не ссылаться на принцип невмешательства, а давать объяснения по существу.

Если речь идёт об отмене или изменении принципа невмешательства с целью легализовать возможность вооружённого вмешательства для защиты прав человека без санкции Совета Безопасности, тогда придётся отменять или изменять и другие принципы международного права и радикально пересматривать Устав ООН. В первую очередь это

относится к принципам суверенного равенства государств и неприменения силы. Сферы действия принципов невмешательства и неприменения силы частично совмещены. Военная интервенция, какими бы благими намерениями ни руководствовались её инициаторы, будет означать нарушение всех упомянутых принципов. Следует также иметь в виду, что все основные принципы международного права неразрывно связаны друг с другом и отмена или коренное изменение содержания одного из них могут разрушить фундамент современного международного права.

Что бы ни говорили об «устарелости» международного права, никто его не отменял. И уж во всяком случае его нарушения, даже грубые, не в состоянии ликвидировать международное право и тем более создать новое. Древнеримские юристы говорили: «*Jus ex injuria non oritur*» (из правонарушения не рождается право). Если мы представим себе на минутку, что «старое» международное право вдруг перестало существовать, станет ясным, что новое на его месте сразу же не появится. В межгосударственных отношениях на долгое время воцарится произвол.

Можно согласиться с тем, что право вето иногда играло не лучшую роль. Принцип единогласия был задуман (кстати, он был предложен США при разработке Устава ООН³³) как гарантия сотрудничества наиболее сильных в экономическом и военном отношении государств, от которых в первую очередь зависела судьба мира при решении вопросов, связанных с поддержанием или восстановлением международного мира и безопасности. Логика создателей Устава ООН была проста: если между постоянными членами Совета Безопасности возникают разногласия, особенно по вопросу о применении силы, лучше, чтобы не было принято никакого решения, чем принято провоцирующее обострение таких разногласий решение, против которого выступает кто-либо из постоянных членов Совета. Выбиралось меньшее зло. На этом и построен принцип их единогласия.

Разве он стал менее актуальным в наши дни? Конечно, изменилось соотношение сил в мире. Появились государства, которые претендуют на место постоянных членов Совета Безопасности. Но в любом случае, если Совет из-за различия взглядов своих постоянных членов не может принять решения о применении мер военного характера, это

³³ См.: История внешней политики СССР. 1917-1976. Т. 1, 1917-1945. М., 1977. С. 499; История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 10, М., 1979. С. 136.

не означает, что любое государство или группа государств вправе самостоятельно начать военные действия против другого государства, считая, что там совершаются тяжкие нарушения прав человека. Это будет нарушением принципа неприменения силы. Вооружённая сила может применяться согласно Уставу ООН либо по решению Совета Безопасности, либо в порядке самообороны в случае вооружённого нападения.

Таким образом, оценка действий НАТО против Югославии и как вооружённого нападения, и как агрессии опирается на вполне ясные и чёткие нормы международного права. То, что Совет Безопасности оказался не в состоянии квалифицировать их как агрессию, не означает, что объективно агрессия не была совершена.

Но нельзя пройти мимо того, что операция НАТО противоречит и Вашингтонскому договору, учредившему³⁴ альянс. Договор был основан на статье 51 Устава ООН. Иными словами, НАТО создавалась как оборонительная организация. Статьи 5 и 6 договора говорят о том, что вооружённая сила используется участниками альянса в случае вооружённого нападения на кого-либо из них в Европе и Северной Америке или на корабли, или воздушные суда договаривающихся сторон в Североатлантическом районе и т.п. Югославия ни на кого из членов НАТО не нападала. Она не является участником Североатлантического договора, и поэтому даже защищать её от вооружённого нападения без её согласия НАТО не вправе. Спустя месяц после начала бомбардировок члены НАТО решили задним числом подвести хоть какую-то базу под свои действия, приняв новую стратегическую концепцию альянса. Она предусматривает возможность применения вооружённой силы по решению НАТО не только в случае вооружённого нападения на её членов, но по самым разнообразным поводам, в том числе и под флагом «гуманитарной интервенции», а также за пределами территории государств, входящих в НАТО³⁵.

Практически концепция обосновывает «право» НАТО использовать вооружённую силу где угодно и против кого угодно по собственному усмотрению. Ничего общего ни со статьёй 51 Устава ООН, ни со ста-

³⁴ <http://www.nato.int/docu/basic/txt/treaty.htm>; Волков В.К. «Новый мировой прядок» и балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 32; Адамишин А. Внешняя политика России не может оставаться той же, что и до косовского кризиса – <http://www.ng.ru/ideas/1999-10-19/answer.html>.

³⁵ См.: <http://sm.aport.ru/scripts/template.dll?r>; http://nvo.ng.ru/forces/2000-06-30/1_situation.html

тиями 5 и 6 Североатлантического договора она не имеет. Само собой разумеется, что участники Североатлантического договора имеют право вносить в него изменения (при условии, что они соответствуют Уставу ООН) и это их дело. Но вот то, что новая стратегическая концепция, фактически меняя Североатлантический договор, вступает в противоречие с Уставом ООН, затрагивает всё мировое сообщество. В связи с этим особое значение имеет статья 103 Устава ООН, предусматривающая, что в случае противоречия обязательств членов ООН, вытекающих из её Устава, обязательствам по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу³⁶. Статья 103 просто юридически перечёркивает новую стратегическую концепцию НАТО.

В условиях дисбаланса сил на международной арене пренебрежительное отношение к соблюдению норм и принципов международного права стало реальностью. Как видится, система сдержек и противовесов является необходимым условием для нормального функционирования не только отдельно взятого государственного организма, но и всего комплекса межгосударственных отношений. Ведь система равновесия, писал ещё в начале XX века известный русский юрист-международник Б.Н. Чичерин, «заставляет каждое государство руководствоваться в своей внешней политике не исключительно своими собственными интересами, но также вниманием к интересам других», а государства «слабые могут существовать рядом с сильными, сохраняя свою независимость и служат уравнивающим элементом при взаимных столкновениях»³⁷. Отсутствие равновесия, как показывает практика последних лет, в конечном счёте создаёт доминирующим государствам сильный соблазн для использования неустойчивой международной ситуации в корыстных целях и может привести к произволу и анархии. «Югославский прецедент» опасен для международного мира не только в смысле возможного повторения со стороны государств НАТО, но и потому, что на путь силовой политики могут встать и другие страны. Существовали также и опасения, что США могут применить военную силу и против России. Однако на сегодня и в обозримой перспективе это абсолютно исключено³⁸.

---

³⁶ Устав Организации Объединенных Наций – <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm#chapt7>

³⁷ Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 254.

³⁸ В этом смысле лучше любых доказательств свидетельство известного российского политика В. Лукина: «Я считаю ошибочной точку зрения...», что «поскольку НАТО

Теоретически сегодня есть три варианта утверждения политико-правового режима международных отношений на будущее:

- вернуться к букве Устава ООН и его традиционному толкованию;
- отказаться в явочном порядке от его основных положений;
- найти компромиссное решение в рамках реформирования ООН.

И всё же, несмотря на теоретическую неразработанность, правовую сложность и политическую деликатность всех этих вопросов, в данном случае, как отмечал ректор Дипломатической академии МИД России А. Торкунов, «мы имеем дело с определённым отставанием международного права от реальных процессов в сфере политики и морали. Сегодня настоятельно требуется новое, гораздо более детализированное и чёткое определение правовых аспектов применения силы в международных отношениях в условиях глобализации и демократизации, разработка дополнительных критериев её применения в соответствии с Уставом ООН, в том числе в чрезвычайных гуманитарных ситуациях»³⁹.

В конце января – начале февраля 2000 г., в беседе М. Олбрайт, состоявшейся в ходе ее визита в Москву, В. Путин подтвердил, что Россия рассматривает США как основного глобального партнера. В то же время Россия не примет ситуацию, когда США ставят свои интересы выше принципов международного права. Она отвергает попытку односторонне применить силу в Югославии, то же самое случится в России. Это, конечно, не так.

Я недавно присутствовал на очередном испытании нашей ракеты «Тополь-М», испытании весьма успешном. Когда нам сообщили, что ракета, запущенная с космодрома в Плесецке, точно поразила условную цель на Камчатке, я понял, что мы всё-таки живём не в Югославии. В НАТО трижды подумают и вспомнят об этих и иных испытаниях, прежде чем действовать в отношении нас подобно слону в посудной лавке.

...Стратегический фактор наших отношений по-прежнему действует, и мы должны делать всё для того, чтобы он продолжал действовать. Не рассуждать шумно о возможности «первого удара», а поддерживать в порядке наш стратегический потенциал. Акула не кричит, что у неё есть зубы, – все и так об этом знают.

Думаю, что планы нашего военного строительства должны быть ориентированы на это. Мы должны иметь в полном порядке ядерную, ракетную мощь, иметь серьёзные, тренированные вооружённые силы, готовые участвовать по крайней мере в двух войнах: среднего масштаба и одной маленькой одновременно. Вот тогда у нас будет всё в порядке. Эти силы не должны быть большими, но они должны быть мобильными и быстро перебазированными с одной точки в другую точку наших границ.

Если в этом смысле будет всё в порядке, нам за нашу собственную безопасность, за безопасность, скажем, Белоруссии, особенно беспокоится будет не нужно» – См.: Международная жизнь. 1999. № 11. С. 17.

³⁹ Торкунов А. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12. С. 48.

ки Запада поставить гуманитарную интервенцию выше суверенитета и территориальной целостности, так как это ведет к ревизии основ всего международного правопорядка⁴⁰. Не претерпела каких либо изменений российская позиция и с приходом к власти в Белом Доме новой администрации⁴¹. В этом контексте следует отметить, что особое внимание должно быть уделено выработке чёткого международно-правового толкования гуманитарных кризисов, как одного из условий их недопущения в будущем.

---

⁴⁰ Российско-американские отношения после Любляны: главное не нервничать – <http://sm.aport.ru/scripts/template.dll?r>

⁴¹ См.: Путин В. О задачах российской дипломатии // Международная жизнь. 2001. № 2; Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 28 июня 2000 г.) // Международная жизнь. 2000. № 8-9; Баби-ч Н. Президент В. Путин на техасском ранчо (Россия – США) // Международная жизнь. 2002. № 1; Буш и Путин нашли общий язык – <http://www.mediatext.ru/docs/7500>; В. Маркушин, С. Сумбаев. Партнерство на подъеме – http://www.redstar.ru/2001/11/06_11/1_02.html; Российско-американские отношения после Любляны: главное не нервничать – <http://sm.aport.ru/scripts/template.dll?r>; Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Международная жизнь. 2002. № 5; Третьяков В. Прагматизм внешней политики В. Путина // Международная жизнь. 2002. №5.